

СЕРГЕЙ БИРЮКОВ, АЛЕКСАНДР ДАВЫДОВ

Случай Боснии

Создание нации в эпоху постмодерна

Этнический вызов и антиномии нациестроительства

В современном мире процессы глобализации, масштабной трансграничной миграции развивающихся межкультурных обменов заметно усложнили ситуацию в сфере межнациональных отношений. Продолжающаяся сегодня «экспансия этнического», связанная с самоутверждением этнических общностей в различных областях жизни, все чаще ставит под сомнение устоявшиеся формы политики.

С политизацией этничности неразрывно связан вопрос о факторах, влияющих на процесс самоопределения наций. Вплоть до сегодняшнего дня между собой конкурировали две противоположные по смыслу модели нациестроительства. Если в рамках *модели политической нации* этнические различия в рассматриваемых обществах игнорировались, то для *модели культурной нации* принадлежность к определенной национальной, языковой или религиозной

общности признавалась решающей. В последнем случае нация понималась как независимое от государства «сообщество судьбы», а лежащие в его основе факторы «культурного самоопределения» — язык, культура и общее самосознание — сохраняли свою силу в течение десятилетий¹. С момента основания большинства современных государств эта теория не соотносилась с объективно существующей этнической реальностью, регулярно провоцируя межнациональные напряжения и конфликты.

Наряду с этим образование наций — результат сложного процесса политизации этничности, завершающая стадия которого приходится на последние десятилетия XX века. Этот процесс был неразрывно связан с глобальными культурными трансформациями, последовательно усиливавшими конфликтогенный потенциал этничности. С середины 1970-х годов развернулся всемирный процесс ресакрализации, который,

¹ См. S. Ridel. Politisierung von Ethnizität in Transformationsgesellschaften. — «Welttrends». 2003. № 11. S. 62–63.

БИРЮКОВ Сергей Владимирович — профессор кафедры политических наук Кемеровского государственного университета, доктор политических наук.

ДАВЫДОВ Александр Геннадьевич — аспирант кафедры политических наук Кемеровского государственного университета.

Ключевые слова: Босния, бывшая Югославия, нациестроительство, постмодернизм, этническая идентичность, религиозная идентичность, ислам, славянство, сербы, хорваты, боснийцы.

по мнению французского исследователя Жюль Кепеля, стал реакцией на кризис модерна. В рамках этого процесса различные акторы и движения представляют три монотеистические религии — христианство, ислам и иудаизм, представители которых стремятся ослабить либо преодолеть разрыв между церковью и государством².

Однако если для христианства и иудаизма нехарактерно соединение религиозной, политической и правовой традиций, то для ислама оно является естественным и органичным. Последнее создает значительный потенциал для политизации религиозного и этнического факторов в многонациональных обществах и государствах³. В этот контекст, в частности, вписывается тенденция к реисламизации бывшей Югославии, которая привела к признанию за мусульманами статуса самостоятельной нации внутри Югославской Федерации и к итоговому самоопределению Боснии и Герцеговины в процессе распада СФРЮ.

Еще одним конфликтогенным фактором в этнополитической сфере стала возрастающая активность национальных движений. В XX веке мир пережил *три волны национальных движений*. Первая прокатилась по Балканам и Восточной Европе и была связана с распадом трех многонациональных империй — Российской, Австро-Венгерской и Османской — в результате системного кризиса, усугубленного Первой мировой войной. Эта волна завершилась образованием независимой Финляндии и трех прибалтийских государств, вос-

становлением Польши, появлением на развалинах Австро-Венгерской империи независимых Австрии, Венгрии, Чехословакии, а также объединением отпавших от этой империи славянских территорий с Сербией и созданием югославского королевства. В итоге модель «малых» национализмов и «малых» национальных государств восторжествовала.

Вторая волна, порожденная Второй мировой войной и кризисом колониальной системы, завершилась к концу 1950-х — началу 1960-х годов, когда возникло несколько десятков новых государств в Азии и Африке. С появлением *третьей волны, порожденной распадом социалистической системы*, оказались связаны югославский кризис, распад Советского Союза, возникновение национальных движений во многих странах «третьего мира». Именно третья волна превратила национально-этническую проблему в вопрос политического выживания многих из современных многонациональных государств⁴.

Вместе с тем, как показали результаты многочисленных исследований в области гуманитарных и общественных наук в XX веке, сознание собственной этнической идентичности в каждом конкретном случае является результатом современного процесса развития, что предопределяет очевидно «искусственный» характер любой современной версии «возрожденного этнического национализма»⁵. Последний создает широкий простор для политических технологов и социальных инженеров, стремящихся

² См. **G. Kepel**. Die Rache Gottes. Radikale Moslems, Christen und Juden auf dem Vormarsch. Muenchen, 1991. S. 19.

³ См. **M. Ley**. Die kommende Revolte. Muenchen, 2012. S. 85.

⁴ См. **В. Иорданский**. Приоткрывшийся ящик Пандоры. — «Обозреватель-Observer». 1994. № 3—4. С. 18.

⁵ См. **Б. Андерсон**. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 86.

сегодня конструировать и «возродить» этнические общности там, где они никогда не существовали. В итоге на место традиционной этнической идентичности все чаще приходит искусственно созданная политизированная идентичность, поддерживаемая национальными элитами с помощью «техники политических мифов»⁶.

В основу подобно-го «этнополитического конструирования» были положены этнополитические технологии конфликтогенного характера — *разобщение этносов и разжигание межнациональной розни, технологии разрушения национальных идеалов и иллюзий, психологическое и информационное давление, создание отрицательных стереотипов, выдвижение несправедливых обвинений и пропаганда «коллективной вины»*. Указанные закономерности ярко проявились в «боснийском проекте», ставшем значимым фактором политического развития всего Балканского региона.

Боснийская идентичность и проблемы самоопределения

Сам факт политизации этничности в Боснии вполне укладывается в рамки современного подхода к нации и национализму. Оригинальным моментом здесь является то, что в генезисе самой этнической группы «мусульмане» (муслимане) определяющую роль сыграли вероисповедание и стрем-

ление к культурно-религиозному самоопределению. В процессе политизации этничности элиты Боснии использовали исламский фактор в качестве катализатора процесса консолидации условного этноконфессионального сообщества бошняков.

На место традиционной этнической идентичности все чаще приходит искусственно созданная политизированная идентичность, поддерживаемая национальными элитами с помощью «техники политических мифов»

Следует отметить, что боснийское движение за национальное самоопределение заметно уступало в силе и интенсивности другим национальным движениям стран Восточной и Южной Европы XIX—XX веков. Последнее было связано с более длительным и сложным процессом формирования этноконфессиональной идентичности бошняков. В первые века истории Боснии в отношении бошняков можно было говорить лишь об устойчивой региональной и формирующейся регионально-культурной идентичности.

По сведениям историков, боснийские земли были заняты славянскими племенами, расселившимися на балканских землях Византийской империи, в VI—VII веках. В X—XI столетиях они вошли в состав государства Дукля (Зета). В XII веке Босния стала практически самостоятельным государством, наиболее значительным среди тогдашних небольших племенных княжеств. В середине XII века правителем Боснии вместо представителя местной знати стал славонский вас-

⁶ См. Э. Кассирер. Техника политических мифов. — «Октябрь». 1993. № 7.

сал венгерского короля Борич. Затем Босния на тринадцать лет попала под власть Византии, но вскоре вновь перешла к Венгрии. В 1463 году турки завоевали Боснию, а в 1482-м — и Герцеговину. В 1583 году восемь санджаков, созданных на этих территориях, были объединены в боснийский пашалык⁷.

Для исторической Боснии долгое время была характерна своеобразная религиозная «чересполосица». Поскольку территория Боснии и Герцеговины находилась между Сербией и Венгрией, правители этих областей вынуждены были допускать известную свободу вероисповедания. Конфессиональное разнообразие в Боснии и Герцеговине облегчило проникновение туда ислама. Интенсивная исламизация привела к тому, что этническое самосознание здешнего населения было размыто, а мусульманская религия стала одним из главных факторов этнической идентификации. В результате уже в XIX веке боснийские мусульмане ощущали себя особой этнокультурной общностью как по отношению к иноверцам, так и к прочим мусульманам, называя себя «бошняци» (бошняки). Понятие «босниец» никогда не использовалось в качестве этнонима, а после создания в 1992 году государства Босния и Герцеговина стало обозначать формальное гражданство⁸.

Существовали известные проблемы, связанные с культурной самоидентификацией мусульман. В связи с этим следует напомнить, что в течение столетий элита боснийских мусульман помимо своего родного боснийского языка осваивала употреблявшийся в Османской империи

«высокий язык» на основе арабского письма, который включал в себя немалое количество слов турецко-османского, арабского и персидского происхождения. Освоение этого языка, активно использовавшегося в мусульманской художественной литературе и публицистике, обеспечивало им шансы на социальный подъем. Однако владение «арабицей» оставалось привилегией преимущественно боснийско-мусульманской элиты, а среди мусульман незнатного происхождения она не получила широкого распространения. Разговорный же язык был общим для сербов, хорватов и мусульман, а диалектные различия внутри него были не слишком значительными.

Для превращения боснийцев в полноценную нацию требовалось именно национально-государственное самоопределение. Однако до решения такой задачи было еще далеко. При этом исламизированное дворянство использовало лозунг не о независимости, а о предоставлении автономии (1831, 1848 годы), что являлось реакцией на потрясшую Европу революционную «весну народов». Вместе с тем исламизированная элита Боснии была еще не готова полностью порвать с Османской империей. Определенные надежды у боснийской элиты порождали реформы, проведенные в так называемый период Танзимата (1839—1876)⁹. Наибольшее значение имела конституционная реформа, в соответствии с которой все подданные империи — независимо от их национальной, языковой и религиозной принадлежности — объявлялись равными перед законом, на паритетной основе формируя органы управления в 28 вилайетах и 193 санджаках.

⁷ См. С. Романенко. Когда и как возникли босняки-мусульмане. — «Родина». 2001. № 3. С. 206.

⁸ См. «На путях к Югославии: за и против». М., 1997. С. 186—200, 286—317.

⁹ См. Н. А. Дулина. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984.

Немецкий историк Андреас Биркен определил политические последствия этого нововведения следующим образом: «Вместе с деятельностью движений за национальную независимость он (закон. — *С. Б., А. Д.*) в течение всего XIX века вел к отделению от империи одних вассальных государств и провинций, и к автономному статусу — других»¹⁰. Не остались в стороне от этих процессов и боснийские мусульмане. Кульминацией вызванной этими реформами борьбы бошняков за самоопределение было восстание 1875—1878 годов, спровоцировавшее масштабный кризис в отношениях со Стамбулом. Он был урегулирован решениями Берлинского конгресса, в результате которых Босния и Герцеговина были оккупированы, а с 1908 года — аннексированы Австро-Венгрией.

В ответ на это началась неизбежная политизация боснийского движения. В 1907 году возникла мусульманская национальная организация, издававшая собственную газету. В 1908-м образовалась Мусульманская прогрессистская партия, выдвинувшая требование независимости, не получившее, однако, массовой поддержки бошняков.

В то же время находившиеся в фазе пассионарного подъема сербы и хорваты отрицали этническое своеобразие мусульман, считая их частью сербской либо хорватской нации. Поэтому политические устремления бошняков чаще всего воспринимались сербами и хорватами как проявление лояльности к Османской империи либо желание создать мусульманское государство¹¹. Так, основоположник хорватского нацио-

нализма Анте Старчевич полагал, что «мухаммедане Боснии и Герцеговины — хорватской породы; они — самое древнее и самое исконное дворянство, какое только есть в Европе». В свою очередь, сербский князь Михаил Обренович (1860—1868) стремился пробудить в боснийских мусульманах сознание «югославянского племенного родства»¹².

Естественно, подобные взгляды отвергались представителями движения бошняков-мусульман, лидерами которого были имевшие светское европейское образование представители интеллигенции. Для многих из них ориентиром в деле национального самоопределения был образ кемалистской Турции, но вовсе не халифатистский проект.

Однако у политиков в Вене имелись другие планы. По мнению сербского исследователя Миролюба Евтича, боснийскую «социальную идентичность» начали создавать в Австро-Венгрии, во время правления в Боснии и Герцеговине графа Каллаи, после аннексии 1908 года¹³. В 1910 году Боснии и Герцеговине была дарована конституция, которая во многом носила формальный характер, но все же стала шагом на пути создания прообраза национальной государственности. Были также созданы герб, гимн и сабор (парламент) бошняков. Утвердилась и официальная версия происхождения бошняков, согласно которой они — потомки богомилов, перешедших в ислам во времена турецкого владычества. Таким образом, «боснийский проект» Вены явился инструментом противодействия сербским интересам на Балканах.

¹⁰ **A. Birken.** Die Provinzen des Osmanischen Reiches. Wiesbaden, 1976. S. 20.

¹¹ См. **М. Јевтић.** Од Исламске декларације до верског рата у БиХ. Прњавор. 1995. С. 24—29.

¹² См. **А. Л. Шемякин.** Радикальное движение в Сербии. Зарождение, становление, первые шаги (1875—1883). М., 1993. С. 93.

¹³ См. **М. Јевтић.** Uloga religije u identitetu južnoslovenskih nacija. Beograd, 2008. S. 180.

Однако в итоге сербы, хорваты и бошняки предпочли национальное самоопределение сохранению в составе австрийской монархии. После распада державы Габсбургов в 1918 году возобладали идеи югославянского единства, и все три народа объединились в составе Королевства сербов и хорватов (будущего Королевства Югославия).

В период Первой Югославии боснийские земли оказались в составе нескольких бановин, принадлежавших как хорватам, так и сербам. Говорить о полноценной политической субъектности бошняков в этот период не приходилось, равно как и во время Второй мировой войны. Однако немцами была создана дивизия СС «Ханджар», в которую набирали боснийских мусульман. Одновременно проявил себя феномен «мусульманского усташества» (наряду с хорватским), о котором очень ярко и образно написал в своем романе «Время ножей» известный сербский писатель и политический деятель Вук Драшковиц.

В целом же проект политической суверенизации Боснии под эгидой «третьего рейха» потерпел неудачу. В 1941 году был представлен проект исламских религиозных законов и конституции. Поскольку усташское государство не пользовалось широкой поддержкой бошняков, часть национальных деятелей-мусульман в 1943 году обратилась к германским властям с идеей о выделении Боснии и Герцеговины из состава Хорватии и создании бошнячко-мусульманской автономии под германским протекторатом. 20 января 1943 года боснийские деятели У. Хаджихасанович, М. Софтич и С. Салихаджич направили Гитлеру меморандум с обоснованием этих идей, но не были им поддержаны. При этом значительная часть му-

сульман Боснии не проявляла особой симпатии к усташской Хорватии. На местах создавались отряды территориальной самообороны, противостоявшие как хорватским усташам, так и формированиям сербских четников. Впоследствии эти отряды бошняков влились в ряды югославских партизан под командованием Иосипа Броз Тито, приняв активное участие в освобождении страны и создании новой Югославии.

Новый этап в развитии боснийской идентичности начался после войны, с момента создания СФРЮ как союза югославянских народов и федерации социалистических союзных республик. Эволюция статуса боснийских мусульман была отныне неразрывно связана с эволюцией статуса республики Босния и Герцеговина (БиГ), а положение их республики — с общей эволюцией федеративного устройства Югославии.

Конституция ФНРЮ 1946 года провозгласила создание федеративной Югославии, состоящей из шести республик, одной из которых стала БиГ. Конституция предполагала строгий этатизм и, соответственно, формальный характер федерации. После политического разрыва с СССР (1948) принципы государственного устройства стали меняться, что вылилось в принятие в 1963 году новой Конституции, которая предполагала усиление федеративных начал и расширение прав союзных республик. В свою очередь, в Конституции 1974 года провозглашалось право народов Югославии на самоопределение, что вкупе с провозглашением принципа экономического «самоуправления» превращало СФРЮ в фактическую конфедерацию при формальном сохранении федеративной модели.

Начиная с 1946 года конституирующей «титульной» общностью Бос-

нии и Герцеговины стали мусульмане (муслимане). При этом сам этноним «мусульманин» не означал соответствующей религиозной принадлежности. «Мусульманин» как житель Республики Босния и Герцеговина не был тождествен мусульманину как представителю определенного вероисповедания. Нередки бывали ситуации, когда гражданин указывал в анкете национальность — «мусульманин», а вероисповедание — «атеист».

В то же время в результате реформ Тито и в соответствии с новыми этническими пропорциями мусульмане как представители определенной этнической группы заняли в Республике Босния и Герцеговина 40 процентов публичных должностей. С введением боснийских мусульман в партийный и государственный аппарат бывший лидер социалистической Югославии одновременно решал две задачи. На международном уровне он добивался большего влияния в рамках Движения неприсоединения, в которое входило большое число мусульманских государств. На национальном уровне это позволяло сравнительно легко удовлетворить возрастающие требования о демократизации с попутным ослаблением «сербского фактора» в СФРЮ. Так или иначе, политика И. Б. Тито, нацеленная на уравнивание «сербского фактора» в рамках СФРЮ, способствовала обособлению бошняков как этнической группы, осознанию ею своей «особости».

Закономерен, однако, вопрос: являлись ли бошняки нацией в социалистической Югославии? Их сообщество не обладало полноценной политической субъектностью. Босния и Герцеговина в составе СФРЮ не имела своей Конституции, а располагала только «конституционным законом», определявшим ее отношения с Федерацией. Вместе с тем придание Бос-

нии и Герцеговине статуса союзной республики создавало предпосылки для дальнейшей ее суверенизации. Модель идентичности, связанная с «особым статусом» сообщества славян-мусульман — уроженцев БиГ, стимулировала их устремления к политической субъектности и консолидации. При этом мусульмане Боснии не были излишне пунктуальны в смысле следования требованиям конфессии. Религиозные обряды исполняли только 37 процентов бошняков, а 61 процент молодых мусульман ни разу не были в мечети¹⁴.

Боснийского национализма, определяющего политическую субъектность их как этнополитического сообщества, в БиГ тоже не существовало. В республике наблюдалась известная напряженность в межнациональных отношениях, однако до «этнического взрыва» было еще далеко. Выстроенная И. Броз Тито политическая система временно сдерживала проявления национализма в союзных республиках.

Куда важнее оказались долгосрочные политические последствия титовских реформ. Впервые была создана конституционно-правовая база для возможной сецессии, и главное — сформирована модель политического сообщества славян-мусульман, обретших подлинную политическую идентичность в условиях системного кризиса единого югославского государства. Тем самым к моменту смерти Тито в 1980 году постепенно сложились предпосылки для распада единой Югославии. Для завершения процесса политизации этничности был нужен яркий харизматический лидер. И он появился.

¹⁴ См. **Н. Sundhaussen**. *Od mita regije do «države na silu»: metamorfoze u Bosni i Hercegovini*. Sarajevo, 2009. S. 23.

Алия Изетбегович и программа создания боснийской нации

Алия Изетбегович родился 8 августа 1925 года на севере Боснии в богатой семье. Юрист по образованию, европейский интеллигент, штудировавший труды Бергсона, он в общей сложности около девяти лет провел в тюрьме при Тито. В отличие от многих югославянских интеллигентов своей эпохи, у него не было симпатий к коммунизму. Ему больше импонировало пропагандировать ислам, идеям которого он изначально стремился придать политическое содержание.

За свою опубликованную в 1970 году «Исламскую декларацию» Изетбегович был приговорен режимом Тито к 14 годам тюрьмы. Лидер СФРЮ усмотрел в этом программном документе обоснование идеологии, которая не могла не обрушить сохранявшуюся в состоянии неустойчивого равновесия сложную систему отношений трех крупнейших этнокультурных общин Боснии. В 1989 году, на волне демократизации и подъема республиканского национализма, Изетбегович досрочно вышел из заключения. Сразу же после этого он приступил к формированию Партии демократического действия, представляющей боснийских мусульман. Эта партия взяла на вооружение доктрину «политического ислама», которому на первых порах Изетбегович и его коллеги стремились придать европейски респектабельные формы.

В 1990 году появилось новое издание «Исламской декларации», ставшей программным документом партии. Этот труд обрисовал положение мирового ислама на исходе эпохи модерна и сформулировал рецепты преодоления кризиса ислама. Изет-

бегович полагал, что религиозной революции, переустройству жизни в исламских странах на основе шариата должна предшествовать революция политическая. Он исходил из принципа превосходства ислама над любыми другими системами идей и социальными силами, прогнозируя рост активности мусульман в среднесрочной и долгосрочной перспективах¹⁵.

При этом будущий лидер независимой Боснии критически относится к националистическому концепту, воспринятому «исламскими народами». В качестве негативного примера для мусульман он рассматривал Турцию Ататюрка, что отличало его подход от многих мусульманских политических концепций: «Турция как исламское государство владела миром. Турция как плагиат европейской государственности представляет собой третьеразрядную страну, которых больше сотни на Земле»¹⁶. Примирить исламский универсализм и боснийский национализм Алие Изетбеговичу удалось при помощи достаточно изощренной политической аргументации. Так, необходимость введения в Боснии республиканской системы аргументировалась им ссылками из Корана, в котором он стремился найти «аспекты республиканского строя» и «способы избрания главы государства»¹⁷.

Заявив в свое время, что «только сосуществование между мусульманской верой и немусульманскими общественными и политическими институтами способно обеспечить мир»¹⁸,

¹⁵ См. **A. Izetbegović**. *Islamska Deklaracija*. Sarajevo, 1990. P. 2.

¹⁶ *Ibid.* P. 3.

¹⁷ **A. Izetbegović**. *Die Islamische Ordnung. Aus dem politischen Programm des bosnischen Präsidenten*. Berlin, 1993. S.15.

¹⁸ *Ibid.* S. 8.

Изетбегович требовал введения в боснийском обществе формы ислама, которая никогда ранее не существовала в Боснии и Герцеговине. Таким образом, обосновывалась идея единства боснийских мусульман на конфессиональной основе, что, по мнению одного из его первоначальных сподвижников Адиля Зульфикарпашича, «было абсолютно невозможно в такой многонациональной, мультикультурной и мультиконфессиональной стране, как Босния»¹⁹.

Первоначально Изетбегович, используя гибкую политическую стратегию, умело камуфлировал содержание своей политической программы с помощью демократической риторики. По его собственным утверждениям, он не был изначально противником югославянского единства²⁰. В то же время говорить о «мультикультурализме» боснийских мусульман в идеях Изетбеговича — значит откровенно исказить картину событий. Подобную позицию, связанную с традиционным исламом, представляли упоминавшийся А. Зульфикарпашич, выходец из знатной семьи боснийских мусульман, проживавший тогда в Швейцарии, а также Мухаммед Филиппович.

В свое время Зульфикарпашич вышел из Партии демократического действия, руководимой Изетбеговичем, и вместе с Филипповичем за два месяца до выборов 1990 года создал Мусульманскую бошняцкую организацию. Именно она, наряду с Союзом реформистских сил Анте Марковича, а не партия Изетбеговича, считалась представительницей умеренного направления, нацеленной на сохране-

ние межэтнического равновесия в Боснии и Герцеговине.

Однако в условиях нагнетания национальных страстей именно партия Изетбеговича получила относительное большинство депутатских мест на выборах в скупщину Боснии и Герцеговины, состоявшихся 18 ноября 1990 года. Соответственно, 72 и 44 места получили столь же радикально настроенные Сербская демократическая партия и Хорватский демократический союз. При этом все считавшиеся умеренными партии, в том числе и партия Зульфикарпашича—Филипповича, в скупщину БиГ не прошли. Последнее неизбежно означало обострение ситуации в республике, которая до конца 1991 года оставалась в тени разгоревшейся сербо-словенской, а затем и сербо-хорватской войны.

В итоге именно Алия Изетбегович оказался в эпицентре событий, которые привели регион к его сегодняшним границам и политическим параметрам. Проще говоря, он стал одним из главных действующих лиц войны 1990-х²¹.

Изетбегович — путь к войне

Заявленная Изетбеговичем концепция «исламского порядка» для Боснии означала неизбежность этнополитических конфликтов. Следует напомнить, что именно немусульмане составляли большинство населения Республики Босния и Герцеговина в составе СФРЮ (31,4 процента — сербы, 17,3 процента — хорваты), что в совокупности превосходило долю мусульман — 43,7 процента. При этом общееюгославская идентичность была

¹⁹ M. Djilas, N. Gaće. Adil Zulfikarpačić: eine politische Biographie aus dem heutigen Bosnien. Muenchen, 1996. S. 195.

²⁰ См. A. Prguda. Sarajevski process. Sarajevo, 1990. S. 162.

²¹ См. Ю. Петровская. От веры к нации — через войну. — «Независимая газета». 21.10.2003.

выражена крайне слабо (югославами в Боснии считали себя лишь 5 процентов населения)²². Тем самым определенная почва для самоопределения бошняков объективно существовала.

Тем не менее вплоть до лета 1991 года в боснийском движении радикалы не занимали доминирующих позиций. Возглавляемая Изетбеговичем Партия демократического действия (СДА) изначально не вела сепаратистской политики. Бошняцкая элита тогда поддерживала сохранение единства Югославии, так как целостность республики позволяла защищать интересы всех югославских мусульман²³. Так, духовный лидер боснийских и герцеговинских мусульман рейс-улем хаджи Якуб Селимовский несколько раз в течение 1990 года заявлял, что высший жизненный интерес мусульман состоит в сохранении Югославии²⁴. В свою очередь Эйюб Ганич, также один из лидеров СДА и член Представительства Боснии и Герцеговины, заявлял в то время: «Мусульманин максимально ответственен за Югославию. Мусульмане живут по всей Югославии. В Сербии есть мусульмане, в Санджаке. В Загребе мусульмане имеют грандиозный исламский центр»²⁵. Упомянутый нами Мухаммед Филиппович выделил тогда три причины, по которым мусульманам была нужна Югославия: «Во-первых, мы никогда не жили отдельно. Во-вторых, в случае отделения мы не сможем защитить исламское меньшинство в Сербии и

Черногории. В-третьих, в Югославии в рамках югославских институций мы вполне можем защищать свои интересы»²⁶.

По мере разворачивания югославского кризиса установки боснийского политикума менялись. Так, уже в начале 1991 года один из лидеров СДА Хаджо Эфендич обосновывал необходимость суверенитета боснийского государства тем, что «мусульмане не имеют никакой другой родины в пределах Югославии». В этой ситуации министр иностранных дел Боснии Харис Силайджич публично задавался вопросом: почему мусульмане в Санджаке не являются «государствообразующим» народом Сербии, а сербы в Боснии и Герцеговине требуют себе подобный статус? Таким образом, постановкой «санджакского вопроса» мусульмане парировали аргументы сербов, отстаивая собственное право на самоопределение.

Несмотря на это, шанс на мирное решение «боснийского вопроса» все же сохранялся. Так, представители Мусульманской бошняцкой организации в июне 1991 года встретились с лидерами боснийских сербов Радованом Караджичем, Николой Колиевичем и Момчило Краишником и достигли договоренности о сохранении Боснии и Герцеговины в составе Югославии на условиях ее суверенитета и неделимости. Тем самым путь к мирному решению вопроса о судьбе Боснии и Герцеговины был открыт.

Но в середине 1991 года ситуация накалилась до предела. В деятельности Слободана Милошевича очевидно просматривалось намерение создать на руинах титовской СФРЮ «Вели-

²² См. **К. Мяло**. Россия в последних войнах XX века (1989–2000). К истории падения сверхдержавы. М., 2002. С. 245.

²³ См. **I. Lučić**. Bosna i Hercegovina od prvih izbora do međunarodnog priznanja. Zagreb, 2008. S. 112.

²⁴ См. **М. Војић**. Historija Bosne i Bošnjaka. Sarajevo, 2001. S. 279.

²⁵ **Е. Ганић**. Bosanska otrovna jabuka, Bosanska knjiga. Sarajevo, 1995. S. 349.

²⁶ **М. Филипović**. Muslimanima je bilo bolje u Jugoslaviji. — «Pravda» (Bijeljina). 19.02.2007.

кую Сербию», используя для этого подразделения Югославской народной армии (ЮНА). Словения объявила о выходе из СФРЮ, а югославские войска, отправленные в Словению для «подавления сепаратистов», оказались малоэффективны, что сильно подорвало положительный имидж ЮНА как хранительницы Югославии. Когда в июле 1991 года начались боевые действия в Хорватии, руководство СДА должно было определиться. В результате лидер партии Алия Изетбегович изменил свою политическую стратегию.

Несмотря на стремительно обостряющуюся обстановку в республике, он отказался от участия в состоявшейся 12 августа 1991 года в Белграде встрече высших представителей Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, на которой была принята «Инициатива по мирному и демократическому решению югославского кризиса». И уже к октябрю 1991-го стало ясно, что руководство возглавлявшейся Изетбеговичем Партии демократического действия и скупщины Боснии и Герцеговины держит курс на сецессию.

Сессия скупщины БиГ, начавшаяся 14 октября 1991 года, приступила к обсуждению проекта Меморандума о суверенитете. Обсуждение вылилось в жаркие дискуссии, и ранним утром 15 октября депутаты от Сербского демократического содружества (СДС) вместе с членами других небольших партий в знак протеста демонстративно покинули скупщину. Путь к «суверенной Боснии» был открыт.

В конце декабря 1991 года со стороны Изетбеговича и его сторонников последовало официальное обращение в международные инстанции с просьбой о признании независимости Боснии и Герцеговины. Это

намерение было окончательно закреплено с помощью республиканского референдума о независимости, который состоялся 1 марта 1992 года. Сербы бойкотировали референдум, а хорваты приняли в нем участие, рассматривая сецессию БиГ в качестве необходимой предпосылки для создания собственного независимого государства «Герцег-Босна». Из 60 процентов имевших право голоса и воспользовавшихся им 99,4 процента избирателей проголосовали за суверенитет Боснии и Герцеговины. В подобной ситуации о единой Боснии и Герцеговине фактически не могло быть и речи, и размежевание трех общин по этническому принципу оставалось единственным способом избежать войны.

Последний шанс на мирное урегулирование в БиГ был связан с так называемым Планом урегулирования португальского дипломата Жозе Кутильеро, который после долгих согласований был подписан сторонами 18 марта 1992 года. «План Кутильеро» предполагал создание единого государства Босния и Герцеговина из трех конституционных образований, созданных по национальному принципу. Речь, таким образом, шла о кантонизации по швейцарскому образцу, и при таком решении вопроса за пределами национальных кантонов оставалось бы 12—15 процентов населения республики, что было заметно ниже критического конфликтного порога». Оставалось лишь разграничить компетенции между общими институтами и органами единиц под патронажем ЕС, что представлялось в целом решаемой задачей.

План был сорван вследствие резкого изменения позиции официального Сараево. Изетбегович, давший в Лиссабоне публичное согласие на реализацию «плана Кутильеро», по

возвращении в боснийскую столицу дезавуировал свою подпись. В результате в апреле 1992 года началась милитаризация сторон, и вооруженный конфликт в Боснии при активной поддержке извне стал неизбежным. В результате казавшийся очевидно утопическим проект создания боснийской нации смог реализоваться единственно возможным путем — через межэтническую войну, поляризацию и итоговый раскол.

Безусловно, бошняки приобрели в результате предвоенного политического процесса и последовавшей за этим гражданской войны политическую субъектность. Мусульманско-бошняцкая идентичность также получила свое политическое выражение и закрепление благодаря гражданской войне в Боснии, а также активной поддержке со стороны «международного сообщества». В итоге бошняки стали политической нацией, консолидированной в связи с угрозой «сербского геноцида».

Сам же Алия Изетбегович заслужил право считаться «политическим гроссмейстером», построившим боснийскую нацию с помощью конфронтационных технологий. Он действительно создал для мусульман независимое государство, в которое никто изначально не верил (в силу спорности базовых принципов его построения), дал им свой язык (боснийский вместо сербохорватского) и обеспечил защиту на международной арене, укоренив в мировом общественном мнении мысль о том, что его народ подвергался геноциду.

В то же время, по мнению ряда исследователей, «политический ислам» в версии А. Изетбеговича был скорее своего рода симулякром, нежели формой традиционного ислама. Мусульманская религиозная идентичность оказалась заменой других

видов идентичности, послуживших основой для формирования «классических» европейских наций — государственной и этнической идентичностей. Сам политический проект Изетбеговича по консолидации боснийской нации через войну скорее является примером постмодернистского конструирования с расчетом на поддержку мирового сообщества, действующего в соответствии с логикой «общества спектакля». Таким образом, сформированная в конце XX века боснийская этнополитическая идентичность — продукт мифотворчества европеизированной боснийской элиты, стремившейся не к созданию полноценной национальной государственности, а к интеграции в европейское и глобальное сообщества. Последнее изначально ставило под сомнение прочность и реальность суверенитета созданной Изетбеговичем боснийской государственности.

Босния, камо грядеши?

В конечном итоге вопрос о природе и будущем боснийского государства до сих пор остается предметом дискуссий.

При всех устремлениях США к унитарной БиГ, несмотря на провозглашение Изетбеговичем после войны государствообразующего статуса бошняков, весьма спорным остается утверждение, что Босния и Герцеговина в действительности является их подлинным национальным государством. Для подобных сомнений есть серьезные основания. И де-юре, и де-факто страна не является суверенной — ее Конституция обходится даже без указаний на государствообразующий субъект. Напротив, акцент в ней делается на международно-правовые нормы и международно-

ное сообщество как источник генезиса боснийской государственности.

Почти половину территории официально признанной Боснии и Герцеговины занимает политико-правовой субъект с конфедеративно-ассоциированным статусом — Республика Сербская. Ее существование фактически блокирует стремление бошняков объявить всю Боснию только своим национальным государством. Де-юре Босния и Герцеговина — это конфедерация, и, как метко отметил Владислав Сотирович, бошняки по «плану Кутильеро» имели бы больше, чем имеют сейчас²⁷. Ведь, даже если абстрагироваться от факта существования Республики Сербской, бошняки вынуждены делить власть с хорватами в федерации Герцег-Босна. Отношения сторон также не отличаются безоблачностью, что затрудняет функционирование их общего государства.

При этом трансформировать БиГ в полноценно функционирующее государство в принципе невозможно без признания сербской и хорватской общин в качестве соучредителей боснийской государственности. Последнее означало бы реализацию местного варианта модели «со-общественной демократии»²⁸ и отказ от интегристского проекта Алии Изетбеговича. А это неизбежно вступало бы в конфликт с амбициями бошняцкой элиты и политическим мироощущением значительной части этноса бошняков.

Устоит ли хрупкая политическая конструкция современной Боснии и Герцеговины в условиях глобальной

политической турбулентности, сказать достаточно сложно. «Боснийский проект» Алии Изетбеговича через десять лет после его смерти, очевидно, заходит в тупик, ибо «политизация этничности», основанная на идее этнического противостояния, исчерпала себя, а других, неконфронтационных механизмов строительства боснийской нации пока не предложено. Бошняки не могут отказаться от Боснии и Герцеговины как «своего» национального государства. Однако, будучи не в силах добиться его моноэтничности, вынуждены соглашаться на его особое устройство — которое скорее напоминает не «со-общественную демократию» по А. Лейпхарту, но полиархию как совокупность «групп вето» по Р. А. Далю²⁹. Все это ослабляет боснийское государство и затрудняет процесс дальнейшего национально-государственного строительства.

Заявленная в качестве цели «евро-интеграция» как и дальнейшая интеграция в мир ислама не содержат в себе принципиального решения «боснийского вопроса». Роль Боснии как возможного «проводника» и «моста», содействующего интеграции культурно близкой ей Турции в Европу, сегодня практически исчерпана вследствие отказа ЕС от интеграции Анкары и обращения последней к нео-османистской стратегии³⁰. С другой стороны, возрождение славянского суперэтноса, органической частью которого являлись бошняки, в обозримом будущем не представляется возможным.

На наш взгляд, конструктивным выходом из ситуации для бошняков могло бы стать воссоздание наднациональной, полиэтничной и по-

²⁷ См. **В. Б. Сотировић**. Švajcarska na Balkanu. — www.novinar.de/2009/03/06/svajcarska-na-balkanu.html

²⁸ См. **А. Лейпхарт**. Многосоставные общества и демократические режимы. — «Полис». 1992. № 1–2. С. 217–225.

²⁹ См. **R. A. Dahl**. Who governs? New Heaven, 1961.

³⁰ См. **D. Tanaskovich**. Turkey and the Balkans: Old traditions, new Aspirations. — «Israel Journal Foreign Affairs». 2012. № 6. P. 53.

ликонфессиональной боснийской идентичности и основанной на ней гражданско-политической общности. Подобное решение, реализуя на практике логику «единства во многообразии», могло бы обеспечить мирное и поступательное развитие государства Босния и Герцеговина. Однако для этого требуется воля трех

главных народов Боснии и их элит, и прежде всего — их готовность отказаться от негативных стереотипов, связанных с многолетним межэтническим противостоянием и драматическим опытом гражданской войны 1990-х годов.

Станет ли это возможным — покажет время. ◆